

*Харви Сакс**

Социологическое описание¹

Предисловие

В настоящей работе я попытаюсь дать предварительный отчет о некоторых размышлениях последних лет, к которым я пришел в результате чтения «Самоубийства» Дюркгейма и методологических трудов Вебера.

Хотя в предлагаемом черновом варианте мои аргументы обозначены лишь контурно и направление решения едва намечено, надеюсь, суть моих размышлений будет понятна.

Введение

Моя цель — сделать современную социологию странной. Ее позиция в отношении своего предмета кажется настолько необычной мне и настолько естественной большинству тех, кто ее практикует, что представляется необходимым попытаться заново построить отношения между социологическим аппаратом и предметом социологии.

Сначала я изложу свои аргументы.

Я исхожу из того, что по крайней мере некоторые социологи пытаются заниматься социологией научно; я разделяю это стремление, и только в данной перспективе последующая дискуссия имеет смысл.

Как ученые мы стремимся буквально описывать свой предмет. В целях описания мы конструируем (или приспособляем под свои задачи) язык. Хотя, возможно, начинать с нашего языка было бы преждевременно, одно правило должно соблюдаться постоянно: что бы мы ни полагали в качестве предмета, оно должно быть описано; ничто, рассматриваемое нами в качестве предмета, не может стать частью нашего дескриптивного аппарата до тех пор, пока оно не подверглось описанию. В дальнейшем я раскрою мысль, сформулированную в предыдущем предложении.

Социологи предполагают, что социальная жизнь частично состоит в использовании людьми языка. Подобно другим элементам социальной жизни, язык, употребляемый людьми, составляет предмет, который в конечном итоге должен быть описан и который может войти составной частью в наш аппарат лишь будучи описанным.

Можно выдвигать различные гипотезы относительно связи используемого людьми языка с другими** элементами их поведения. Возьмем одну из излюбленных социологических гипотез: в повседневной жизни люди пользуются разумными представлениями о социальной жизни. Язык, который они употребляют, выражает их

* Sacks H. Sociological description // *Berkeley Journal of Sociology*. 1963. №8. P. 1-16.

© Корбут Андрей, 2006.

© Центр фундаментальной социологии, 2006.

¹ Почти все идеи, изложенные в данной статье, были сформулированы в результате многочисленных встреч, которые я имел в последние годы с профессором Гарольдом Гарфинкелем из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Профессор Гарфинкель не только стимулировал эти размышления нашими встречами и своими (по большей части неопубликованными) работами, но и нашел возможность профинансировать проведение данной работы. Ссылки, которые приводятся в тексте статьи, — лишь слабое отражение того, чем я ему обязан. Следует добавить, что он далеко не согласен со всем тем, что я собираюсь высказать.

Работа была осуществлена в период преддокторантской стажировки при финансовой поддержке Национального института психического здоровья (MF-17.547). Кроме того, она была поддержана в рамках проекта «Методы обоснования мнений при вынесении решений», спонсированного Военно-воздушными силами США. Расширенная версия статьи будет опубликована в сборнике материалов этого проекта.

** невербальными (*прим. ред.*).

представления и составляет описание деятельности. Применяя язык для описания видимого ими сегмента деятельности, они способны предсказать, каким будет следующий сегмент. Гипотеза превращается в объяснение; благодаря предсказаниям люди могут приспособливаться к действиям друг друга.

Как применяется данная гипотеза?

Социолог (в противоположность антропологу) обычно знает естественный язык тех людей, которых он собирается изучать. Он выбирает определенную категорию норм (заводские правила, юридические правила и пр.), выражаемых в естественном языке. Как член общества он знает, что значат слова, образующие правило, т. е. он знает, к какой деятельности они относятся и в чем именно состоит подразумеваемая ими деятельность. Он отправляется туда, где такого рода деятельность предположительно осуществляется, и наблюдает там сравнительную частоту случаев ее осуществления, описаниями которых эти правила являются и описаниями которых они не являются (когда им следуют и когда их нарушают)².

В типичном случае он обнаружит, что большую часть поведения можно рассмотреть как подчиняющуюся данным правилам, и наиболее «интересной» проблемой для него станет объяснение отклонений. В конце концов, мог бы сказать он, нетрудно понять, почему люди ведут себя конформно.

Я буду утверждать, что данная процедура с самых первых шагов неправильно отображает ту работу, которую предпринимает социология, делая своим предметом социальную жизнь³.

Приняв в качестве постулата то, что полагаемое нами предметом должно быть описано, рассмотрим, что же на самом деле требуется, чтобы сначала выдвинуть, а затем проверить данную гипотезу (в изложенной выше форме).

Рассмотрим первую ее часть: язык, используемый людьми, составляет описание другой формы их поведения.

Наша первая проблема — описать какой-либо сегмент их языка и какой-либо сегмент другой формы их поведения⁴.

Во-вторых, нам нужен критерий для определения того, является ли определенный сегмент языка описанием определенного сегмента поведения. Предположим, что в качестве первичного критерия мы принимаем опознание (recognition).

В-третьих, соотнеся наше описание сегмента их языка с нашим описанием сегмента другой формы их поведения, мы предсказываем, что они будут опознавать в качестве сегмента поведения⁵.

Если наши предсказания приемлемо точны, мы можем сказать, что критерий опознания был удовлетворен. То есть на основе установленного соотношения между языком и поведением мы можем подготовиться к проверке сильной версии гипотезы.

² На самом деле, он, скорее, изучает статистические показатели, сообщающие о частоте отклонения. В некоторых случаях, скажем, при исследовании преступлений, он чувствует слабость подобной практики, поскольку осознает (по крайней мере, после Сазерленда), что признания или полицейские отчеты не до конца точны. Как мы увидим дальше, проблема точности вполне обыденна.

³ В истории социологии нет более трагической ошибки, чем рассмотрение «Самоубийства» Дюркгейма в качестве образцового исследования.

⁴ Хотя термин «описание сегмента языка» довольно необычен для социологов, описание языка — вполне распространенная деятельность. Например, лингвисты придают определенный смысл «описанию сегмента языка», строя грамматику. См., например, книгу Б. Харриса «Методы структурной лингвистики» (B. Harris, *Methods in Structural Linguistics*, 1951). Психолог Б. Ф. Скиннер ввел иное представление об описании языка в своей книге «Вербальное поведение» (B. F. Skinner, *Verbal Behavior*, 1957). Однако социологи, даже социологи знания, насколько мне известно, не занимались данной проблемой.

⁵ Мы предсказываем, какие данные будут получены в эксперименте (если мы применяем эксперимент), а не что именно скажут испытуемые. Поскольку данными будут единицы нашего описания их языка, а не слова их языка (слова их языка составляют «сырой материал», который надо преобразовать в данные), различные высказывания на их языке могут предоставлять «те же самые» данные.

Во-первых, мы выбираем описанный нами сегмент языка и описанный нами сегмент другой формы поведения. Мы выбираем сегменты, между которыми была установлена связь.

Предположим, что в качестве критерия определения части их языкового поведения как описания в сильном смысле слова мы избираем то, что при помощи него они могут, основываясь на определенном фрагменте естественно возникающей «другой формы поведения», предсказать следующий сегмент другой формы поведения. Тогда наша проблема заключается в следующем:

Во-вторых, при помощи своего описания сегмента поведения мы предсказываем, в качестве какого именно они будут опознавать это поведение.

В-третьих, если мы оказались правы, то тогда на основе своего описания созданного ими сегмента языка мы предполагаем, какой следующий сегмент языка они создадут при появлении следующего сегмента другой формы поведения. Мы просим испытуемого «угадать». Если мы правы, мы идем дальше.

В-четвертых, когда предполагаемая форма поведения имеет место, мы предсказываем, будет ли она опознаваться как такая форма поведения, которую предугадывал испытуемый.

Если наше предсказание верно и если оно заключалось в том, что эта форма поведения будет опознаваться (т. е. если это та форма поведения, наличие которой он предугадывал), тогда мы могли бы сказать, что исходная гипотеза разумна, т. е. что полученные данные совместимы с ней. (В этом случае мы могли бы, соблюдая вежливость, перестать говорить о «догадках» исследуемого и начать говорить о его «предсказаниях».)

Я думаю, вполне справедливо утверждать, что, во-первых, социологи не пользуются только что описанной процедурой. Во-вторых, процедура, описанная первой, — типичная социологическая процедура. В-третьих, процедура, описанная второй покажется социологу очень странной.

Поскольку для меня странной представляется скорее первая, чем вторая процедура, цель настоящей статьи, как я сказал, сделать современную социологию странной.

В следующем разделе я представлю «репрезентативную метафору», которая предположительно характеризует позицию, занимаемую сегодня социологией в отношении своего предмета.

I

На научно-промышленной выставке демонстрация машины по описанию неспециалиста происходит следующим образом. Она состоит из двух звеньев (parts); одно звено делает какую-то работу, а второе синхронно рассказывает вслух о том, что делает первое. Такой подход мы назовем «обыденной перспективой»⁶ восприятия машины. В обыденной перспективе данная машина могла бы называться «комментирующей машиной», а ее составляющие — «делающим» звеном и «говорящим» звеном.

Теперь рассмотрим, как ее могли бы воспринимать другие люди.

Если бы с машиной контактировал (encounter) иностранный инженер, он тоже мог бы «увидеть» два звена. Не зная языка, но зная — из наблюдения, — чт машина делает, он мог бы отнестись к ней как к машине, предназначенной для обучения языку. То есть, наблюдая за тем, что делает машина, проговаривал для себя на своем родном языке, чту она делает; слушая запись, сопровождающую действия делающего звена, он может выучить определенные слова английского языка, соответствующие словам его родного языка, которые могли бы описывать действия делающего звена. Мы назовем это обыденной перспективой в версии «чужака»⁷. В обыденной перспективе чужака машина занимается

⁶ Понятие «обыденной перспективы» было раскрыто в работе Гарольда Гарфинкеля «Обыденное знание социальных структур», представленной в качестве доклада на Международном социологическом конгрессе в Милане в 1959 г.

⁷ Проблемы, с которыми сталкивается чужак, великолепно проанализированы в работе Альфреда Шюца «Чужак».

опознаваемой деятельностью, рассматриваемой, однако, на основе другого языка. Проблема, с которой он сталкивается, стремясь понять машину, — это проблема «адекватного перевода»⁸.

Существуют также две более радикальные перспективы.

Представим себе, что с машиной контактирует тот, кто знает, что она делает, и владеет ее языком. Он, и только он, способен рассматривать отношение между звеньями как потенциально проблематичное. Если бы существовал какой-либо разрыв между описанием делающего звена, как он его уже понимает, и тем, что он пока принимает в качестве «подразумеваемого описания» (слова говорящего звена), он мог бы решить, что слова, используемые говорящим звеном, дают плохое описание или нуждаются в прояснении. Либо, *при той же комбинации* делающего и говоримого, он мог бы решить, что делающее звено машины неисправно или представлен плохой экземпляр «такой машины, как описываемая».

Он мог бы также решить, и только у него были бы для этого основания, что говоримое метафорично, или иронично, или представляет собой «просто набросок (sketch)», буквальный, но синекдохальный⁹. Либо он мог бы решить, что делаемое — это идеализированная версия «такой машины, как описываемая», или ее упрощенная версия, или карикатура.

В случае, если он будет рассматривать возможные способы снятия проблематичного отношения между звеньями, мы скажем, что он занимается «теоретизированием». В случае если он будет рассматривать «проблематичное отношение между звеньями» в качестве своей проблемы, решение которой состоит в «подгонке (reconciliation) данного отношения», мы скажем, что он разрабатывает «практическую теорию»¹⁰.

Практическая теория будет состоять в любого рода постановке проблемы (возникающей в результате понимания машины), которая предполагает в качестве решения «подгонку» звеньев, рассмотренных как делающее и говорящее звенья. Например, решениями, обеспечивающими подгонку, могут быть: понимание говоримого как наброска или понимание делаемого как неисправного функционирования (как приемы согласования одного звена с концепцией другого звена). Практическая теория требует наличия «изначального преимущества»¹¹, состоящего а) в совместном с машиной знании используемого ею языка и б) в знании, на основе определенного языка, того, что делает машина. Таким образом, наши предыдущие К (контактирующие) могут стать практическими теоретиками путем преодоления специфического для них недостатка преимуществ. Типы контактов отличаются лишь проявляемым со стороны практического теоретика интересом к принципиальной подгонке. В процессе обыденного контакта подгонка производится на ходу по мере возникновения проблем.

Последняя перспектива, которую я рассмотрю, такова: представим себе сталкивающегося с машиной К, который не знает ни ее языка, ни того, что она делает. Ему не хватает, могли бы сказать другие, их преимуществ. Хотя многие способны оказаться в таком положении, я предположу, что речь идет о наивном ученом. Я делаю такой выбор, поскольку наши предыдущие К могут, изменив установку, принять его перспективу. В таком случае я также прошу читателя представить себя впервые сталкивающимся с социальным поведением как проблемой. Я прошу об этом для того, чтобы читатель мог сравнить возможные перспективы.

Я полагаю, что если бы наивный ученый выслушал последовательное описание, созданное теми, кто контактировал с машиной до него, наиболее странным ему показалось

⁸ О проблеме перевода см. книгу У. Куайна «Слово и объект», особенно гл. 2.

⁹ На возможность подобных разночтений любой современной социологической работы мне указал профессор Гарфинкель.

¹⁰ Этим понятием я также обязан профессору Гарфинкелю.

¹¹ Я использую понятие «преимущество» в том же смысле, что и Парсонс (T. Parsons, *The Structure of Social Action*, 1949, p. 583).

бы то, что на свете существует объект, который, если перефразировать их сообщения, был изобретен почти исключительно для облегчения работы его (объекта) научного изучения.

Чтобы понять, что он мог бы иметь в виду под этой фразой, я проинтерпретирую рассматриваемую метафору.

II

В данной метафоре говорится о контакте между множеством перспектив (обыденной, практического теоретика, или современной социологической, и наивно научной) и неким объектом. Общей чертой данных перспектив является всеобщая заинтересованность в придании объекту смысла. Придавая ему смысл, каждый, можно сказать, ставит проблемы, составляющие в их понимании, и предлагает в качестве решения «описание» объекта.

Проблемы, обсуждаемые в данной статье, — их нужно указать, прежде чем продолжить рассмотрение метафоры — таковы. Учитывая многообразие значений понятия «описание» или многообразие критериев определения адекватности предлагаемых описаний, а) какие критерии использует сегодня социология и б) какие критерии она должна использовать, если принять во внимание постулат, гласящий, что предметом ее изучения является социальная жизнь?

Главное «послание» настоящей работы состоит в следующем: даже если можно сказать, что люди создают описания социального мира, задача социологии — не прояснять, «фиксировать» или критиковать эти описания, а описывать их. Описание людьми социальной жизни (если так можно истолковать их деятельность) является такой же реализацией (happening) субъекта, как и любая другая реализация любого другого субъекта, в том смысле, что она представляет работу для социологии, но, в противоположность любой другой реализации субъекта, она предоставляет решение социологической проблемы описания действий предмета социологии¹².

Давайте теперь сравним разнообразные описания, создаваемые в различных перспективах.

Рассмотрим сначала сходства и различия между двумя первыми и третьим К (последний — современный социолог, первый и второй — любой человек).

1. Оба занимаются подгонкой «звеньев» объекта, с которым они контактируют.

2. Оба не просто берут за основу, но применяют естественный язык, т. е. язык, которым они владеют (или которым могут овладеть), к объекту, с которым они контактируют¹³.

¹² Речь не идет о принятии субъективной точки зрения. Принятие субъективной точки зрения — это не принятие такой перспективы в отношении предмета, которой пользуются только социологи или которой они способны пользоваться с большей готовностью, нежели остальные ученые. Это может означать только то, что мир понимается в их терминах, например, в терминах сил, которые особым образом воздействуют на (или испытывают воздействие) субъекта. Так, можно сказать, что развитие квантовой физики стало результатом перехода физики от перспективы астрономических тел к перспективе субатомных тел.

¹³ Главная трудность «Самоубийства» Дюркгейма не в том, что он использует официальную статистику, а в том, что он вводит в социологию проблему практической теории. «Самоубийство» — категория естественного языка. Она порождает множество практических проблем, таких, например, как объяснение конкретных самоубийств или объяснения различий в показателях самоубийств. Говорить, что ошибка Дюркгейма заключалась в использовании официальной статистики, вместо, скажем, изучения вариаций в отчетах о самоубийствах, значит считать очевидным, что происходят события, которые социологи должны рассматривать как «подлинное самоубийство». Схожий аргумент был высказан в отношении преступления; см. Clinard, *Sociology Today* (Merton & Broom, eds.), p. 528-529. Исследование способа принятия решения о том, что совершено самоубийство, и исследование того, как следует воспринимать объект, чтобы о нем говорили как о «совершившем самоубийство», — таковы исходные задачи социологии. После создания процедурных описаний способов классификации самоубийств может оказаться, что данная категория и методология ее применения являются интересными социологическими проблемами. Мы не можем воспринимать людей как «потенциальных самоубийц». Мы можем, скорее, исследовать то, как такое представление о человеке используется людьми для оценки различных форм поведения друг друга.

3. Для тех, кто прибегает к обыденной перспективе, главные проблемы контакта вытекают из переменчивой адекватности их подготовки (осведомленности). Удачный контакт состоит, могли бы сказать они, в использовании своей подготовки для изучения того, что делает объект и как он функционирует (его средств и его целей). Цена такого рода успеха состоит в воспринимаемой адаптации к его действиям.

4. Различие между двумя этими перспективами может быть прояснено следующим образом. Предположим, что данная машина работает по замкнутому циклу. Она совершает определенную последовательность действий и, закончив, начинает ее снова.

В обыденной перспективе проблемы контакта возникают как проблемы по ходу контакта; «описание» должно быть лишь «достаточно хорошим», чтобы позволить контакту продолжаться. Возможные недопонимания могут оставаться без внимания до тех пор, пока они не вызовут действительных затруднений, а когда они вызовут затруднения, их следует разрешить лишь настолько быстро, насколько это необходимо для обеспечения продолжения контакта.

Тот факт, что разные К, относящиеся к первому классу, дают разные отчеты, не должен смущать; он свидетельствует лишь об уникальности каждого контакта.

Второй — социолог — ищет способа обоснования научности своего описания деятельности. Он стремится создать такое описание, которое бы создал коллега, наблюдая другой цикл, или которое бы коллега мог использовать для наблюдения за другим циклом, или которое коллега мог бы использовать для анализа последовательности действий машины.

5. Оба могут решать проблемы понимания путем постановки более-менее сложных (sophisticated) вопросов, т. е. вопросов, характерной чертой которых является то, что спрашивающий и исследуемый владеют общим языком, так что ответы на вопросы представляют собой ответы-на-вопросы. Следует отметить обоюдность общего языка: не только спрашивающий знает язык, употребляемый объектом (так, что он может обращаться к нему), но и объект знает язык спрашивающего. Его ответы — не просто ответы на заданные вопросы, а ответы на вопросы спрашивающего по поводу объекта. Т. е. сами ответы или какая-нибудь их версия могут сообщаться в качестве описания спрашивающего¹⁴. В рассматриваемой метафоре машина не имеет приспособления, позволяющего взаимодействовать с ней, но это было сделано исключительно ради простоты. Одна из версий машины могла бы быть такой: она молчит, пока задается вопрос (или, возможно, проигрывает в это время музыку либо комментирует текущую сцену). Когда вопрос задан, помимо ответа с требованием прояснения, она выдает повествовательное описание того, что она делает. Тогда можно было бы придумать серию вопросов, ответы на которые представляли бы собой описания, свободно выдаваемые данной версией по ходу контакта. Как мы увидим, существенной разницы между версиями нет.

6. Дело обстоит так, что единственная разница между работами социологов и высказываниями об обществе всех остальных людей заключается в интересе социологов к единственной методологической проблеме, которую «открыли» социологи. Я назову эту проблему «проблемой “и так далее”» (et cetera).

ПРОБЛЕМА «И ТАК ДАЛЕЕ»: Каким образом можно соблюсти научное требование буквального описания перед лицом того широко признаваемого исследователями факта, что описание даже специфического «конкретного объекта» никогда не может быть полным? То

В любом случае, пока мы не описали категорию — самоубийство, — т. е. не предоставили описание процедуры, используемой при объединении разных случаев в один класс, данная категория даже потенциально не составляет часть социологического аппарата.

Использовать неопианную категорию — значит сочинять тексты вроде тех, что печатают в детских книжках. Там встречаются рисунки объектов, испещренные цепочками слов. Остенсивное определение, возможно, и благородное дело, однако мне совершенно непонятно, каким может быть остенсивное определение «действия».

¹⁴ В других науках о человеке вопрос о том, могут ли ученый и исследуемый вступать в катехизические отношения, был предметом многочисленных споров. См., например, Brindly G. S, *Psychology of the Retina and Visual Pathways*, 1960, ch. 4, Edwards W. 68 *Psych. Review* 235, 1961. Swets. 134 *Science* 168, 1961.

есть как можно обеспечить описание, если, насколько бы обширным и насыщенным оно ни было, его все равно можно расширять до бесконечности? Мы называем данную проблему «проблемой “и так далее”», чтобы указать: к любому описанию конкретного объекта (или события, последовательности действий и пр.), сколь бы длинным оно ни было, исследователь должен добавлять поправку «и так далее», чтобы описание стало исчерпывающим.

Когда я говорю, что все различия между социологическими и «обыденным» (*anuman*) описаниями общества заключаются в интересе социолога к данной методологической проблеме, я подразумеваю, что:

а) различие между социологией и обыденными высказываниями об обществе можно объяснить в терминах интереса социологов к проблеме «и так далее»;

б) различия между разными социологами — это различия между предлагаемыми решениями данной проблемы. Социологическая теория составляет принципиальное «разрешение» данной проблемы;

в) разница между социологией и естественными науками — это не только разница в предмете.

Следующий раздел будет посвящен прояснению этих трех пунктов.

Но сначала я суммирую сказанное. Современная социология оказалась бы «наивному ученому» странной не потому, что она занимается деятельностью подгонки, а потому, что она предполагает, что деятельность подгонки производит описания, которые решают ее проблемы. Хотя деятельность подгонки может быть в чем-то полезна социологам, в случае ее правильного осуществления она будет протекать согласно второй процедуре, обозначенной в моем введении. Эта деятельность предпринималась бы после того, как была описана каждая из областей, требующих подгонки, а *также* после того, как было установлено, что они образуют отдельные области.

Однажды появившись, социология пойдет (когда появится) в ином направлении, нежели другие науки, поскольку, чтобы развиваться, социология должна освободиться не от философии, а от обыденной перспективы. Ее предшественники не похожи на тех, с кем должен был иметь дело Галилей; это люди, заинтересованные в практических проблемах, например, в поддержании мира или снижении уровня преступности. «Открытие» обыденного мира важно лишь как открытие проблемы, а не как открытие социологического ресурса.

III

Переосмысление проблемы «и так далее»

Я начну обсуждение с обширной цитаты, в которой Парсонс эксплицирует методологические аргументы Вебера.

«Вебер... согласен с тем, что полностью конкретная историческая реальность обладает бесконечным разнообразием и сложностью, и поэтому ее нельзя “схватить” во всей ее конкретности и индивидуальности при помощи какой-либо системы абстрактных понятий. Однако он отрицает как то, что в этом состоит отличие общественных наук от естественных, так и то, что это имеет какое-либо отношение к проблемам *логической* природы научных категорий. Любой “сырой” опыт обладает подобным свойством. Формулируемые нами естественнонаучные законы “природы” — не всеохватывающая конкретная реальность, “доступная опыту” человека, а определенные специфические аспекты, которые можно выразить при помощи абстрактных понятий. Это же относится и к человеческому действию. Каков бы ни был источник различия между двумя данными группами наук (а Вебер верит в то, что такое различие существует), он лежит не в данной области. Он должен принадлежать к области принципов, согласно которым из “доступных опыту” элементов реальности отбираются “факты”, значимые для достижения имеющейся научной цели. Это различие, по мнению Вебера, соотносится с областью логически

релевантных аспектов, т. е. не с объективной природой “реальности”, которую изучает наука, а с “субъективной” направленностью интереса ученого» (Parsons, p. 581-582, op. cit.).

«Стандарт адекватности знания должен соотноситься с наличной научной целью. Независимо от того, способен ли он охватить “все факты”... он вытекает из того соображения, что в логическом плане естественные и общественные науки находятся в одном положении по отношению к столь часто применяемому стандарту предсказуемости. Ни в том, ни в другом случае невозможно предсказать будущее положение дел во всей конкретной полноте деталей... Предсказуемость в естественных науках кажется такой высокой потому, что нас *интересуют* в основном аспекты природных событий, формулируемые в терминах известных абстрактных законов. Наш интерес к человеческим делам, как правило, располагается на ином уровне. В любом случае, предсказуемость всегда соотносится с широтой абстрактной генерализации, и предсказуемость есть там, где есть последняя. Вебер стремится показать, в какой степени реальная социальная жизнь целиком зависит от способности предсказывать с разумной точностью реакцию других людей на определенный стимул. Например, в какой мере был бы возможен “милитаризм”, если бы офицеры не могли полагаться на исполнение приказов, т. е. предсказывать поведение своих солдат после команды? Именно этот предсказуемый аспект социальной жизни особенно интересовал Вебера» (Parsons, p. 582-583, op. cit.).

1. Социологический и обыденный способы рассуждения об обществе

Ниже я покажу, что на уровне своих описаний социология не отличается от повседневного способа рассуждения об обществе.

А. Проблема соответствия

Социология стремится к производству буквальных описаний социальной жизни. Один из классических критериев буквальности — соответствие между предлагаемым описанием и феноменами, на которые направлено описание (подразумеваемым объектом). Полное описание должно, предположительно, удовлетворять критерию соответствия и не вызывать сомнений в своей буквальности. Для неполного описания существует возможность того, что оно будет воспринято как одна из альтернатив, упомянутых в приведенной метафоре (например, ироническое, урезанное и т. д.). Признание проблемы «и так далее» означает, что невозможно установить соответствие исключительно за счет ознакомления с описанием и наблюдения за объектом; помимо описания необходимо создать «приложение» (appendix), которое будет обеспечивать подгонку одного к другому.

Рассмотрим проблему сравнения предлагаемых описаний. Особенность любого описания, заключающаяся в том, что оно не только неполно, но и а) его можно бесконечно расширять и б) это расширение невозможно свести к формуле экстраполяции, предполагает, что любое описание можно считать столь же далеким от полноты либо столь же близким к полноте, как и любое другое. Просто прочитав два описания, отличающиеся длиной, стилем и пр., можно заключить, что если одно более пространно, то другое более кратко, если одно более поверхностно, то другое более глубоко, и т. п.

В таком случае, как можно, просто прочитав различные описания, решить, которое из них обладает лучшим соответствием, т. е. «более социологично»? Очевидно, аккредитация авторов не дает разумных оснований для решения. Как не дает их и приложение раздела, посвященного методам, поскольку в случае признания нами проблемы «и так далее» оказывается, что если применение «одних и тех же методов» не дает «одного и того же описания», это не отражается ни на а) актуально используемых методах, ни на б) сообщении об этих методах. Явно не является решением и привлечение для определения адекватности описания «авторской цели» или читательской цели чтения работы. Это переносит вопрос использования соответствия для установления адекватности из а) области соответствия

между описанием и подразумеваемым объектом в б) область соответствия между целью, описанием и подразумеваемым объектом. Перед нами все еще стоит проблема подгонки. Только теперь мы говорим, что чья-либо *удовлетворенность* и есть адекватное основание для удовлетворенности его коллеги. Либо, возможно, удовлетворенность его коллеги является адекватным основанием для его собственной удовлетворенности.

Кроме того, если учесть статус проблемы «и так далее», т. е. если учесть, что у нас нет способа сравнения описаний в терминах близости к соответствию, мы сталкиваемся с проблемой, которую нельзя обойти, сказав: со временем описание станут лучше. Возможно, интерес Вебера, как и многих социологов, к «практическим проблемам» можно объяснить их сомнениями в том, что социологические описания носят кумулятивный характер. Проблема «и так далее» определенно ставит под сомнение возможность кумулятивности.

Б. Проблема генерализации или абстракции

Поскольку не существует критериев для определения адекватности описаний общества и, следовательно, не существует критериев для определения «социологического характера» описания, из проблемы «и так далее» вытекают некоторые любопытные выводы в отношении идеи абстрактных или генерализированных описаний, а именно: любое описание можно прочитать как «абстрактное», но при этом в обычном понимании абстрактного (как, скажем, в математике) ни одно описание *не является* абстрактным.

Обратите внимание: если даже в отношении описания конкретного объекта дело обстоит так, что будут перечисляться только некоторые его свойства, тогда совершенно ясно, что объект будет выделяться (*recapture*) за счет использования описания в качестве инструкции по его установлению. Но столь же вероятно, что описание может быть воспринято в качестве указания на ряд объектов, между которыми нельзя совершить выбор (отсюда видимость генерализации).

Причина того, почему эти описания неспособны быть абстрактными в смысле, принятом в математике, состоит в том, что общие понятия последнего типа сохраняют черты конкретных случаев — имея генерализацию, можно всегда выделить конкретный объект. Описания, которые игнорируют черты конкретных объектов, не позволяют произвести такое выделение, и поскольку проблема «и так далее» означает, что даже целенаправленные описания конкретных объектов игнорируют *неопределенное количество* их черт, то очевидно, что математический смысл абстракции недостижим, если мы признаем проблему «и так далее». Значение этого вопроса, вероятно, даже более глубоко, чем нам хочется думать. Во-первых, не имея абстрактных объектов в математическом смысле, мы не способны определить возможные трансформации, не затрагивающие инвариантные свойства наших так называемых абстрактных объектов. Во-вторых, исчезает возможность предсказания. Это происходит потому, что предсказание соотносится с первым моментом: это гарантированная трансформация абстрактного объекта¹⁵.

В некотором смысле Вебер и Парсонс правы, когда на основе проблемы «и так далее» приходят к генерализированным описаниям. Но они правы только в тривиальном смысле, т. е. в том смысле, что пока принимается проблема «и так далее», можно также создавать генерализированные описания. Это «можно также» делать потому, что невозможно создавать буквальное описание конкретных объектов. Однако, поскольку любое описание, которое предположительно касается конкретного случая, может быть прочитано как касающееся «подобных случаев», совершенно непонятно, что дает намеренно генерализированное описание.

Неприятным последствием создания генерализированных описаний является то, что при этом из конкретных объектов делаются «версии» общего объекта. Тогда с любым объектом в реальном мире взаимодействуют как с «несовершенным» (как с версией

¹⁵ Обсуждение вопросов, рассматриваемых в данном абзаце, см. в работе Кассирера «Субстанция и функция», гл. 1.

идеального объекта из идеального мира). Например, когда поведение не соответствует поведению, описываемому как рациональное, объект называют «частично рациональным». Хотя в определенном смысле люди могут быть нерациональными, то, что их поведение не соответствует поведению, ожидаемому от идеальных рациональных людей, не свидетельствует об их иррациональности; это свидетельствует лишь о неадекватности наших описаний¹⁶.

Если можно претендовать лишь на то, что наши «абстрактные» объекты обладают типичными чертами совокупности конкретных объектов, тогда, хотя это утверждение допустимо, нельзя заявлять о каком-либо преимуществе по сравнению с обыденным «генерализированным» описанием¹⁷.

Я попытался показать, что если мы предлагаем ограничиться решением обыденным проблем, только решать их лучше, чем это обычно делается, тогда наша претензия на превосходство ничем не обоснована. Если же мы, напротив, заявляем, что занимаемся иного рода работой, тогда совершенно неясно, как это можно обеспечить.

Заключение

Данная работа посвящена тому пути, по которому пошла социология под влиянием «Самоубийства» Дюркгейма и методологических сочинений Вебера¹⁸. Ключевой особенностью этого пути является привлечение обыденных категорий в качестве социологических ресурсов, а не черт социальной жизни, которые социология должна изучать как свой предмет.

¹⁶ Здесь бесполезно обращаться к физике как к дисциплине, которая имеет дело с «идеальными объектами». Дело в том, что у нас нет имеющихся у них моделей, в которых установлены математические связи между математическими объектами. Пока даже в отношении идеальных рациональных акторов было лишь выдвинуто предположение, что, учитывая их рациональность, они бы вели себя определенным образом в определенных ситуациях. То, что абстрактные акторы будут вести себя именно так, доказано не было. Далеко не очевидно, что эта проблема тривиальна, т. е. что мы можем найти доказательства того, как вели бы себя наши рациональные акторы. Не установив обязательных связей даже между абстрактными объектами и не имея данных для выбора того, какие обязательные связи подходят, было бы самонадеянно утверждать, что физика способна обеспечить эффективность наших нынешних теоретических разработок.

¹⁷ Следует отметить, что проблема «и так далее» не только ставит под вопрос «теоретизирование», но и бросает тень сомнения на роль (помимо обыденной функции ознакомления нас с необычными странами и народами) этнографических отчетов о конкретных случаях. Нет никаких гарантий того, что они хотя бы «прочны» или что они являются фундаментом, на котором будет построена теория. Короче, совсем не очевидно, что у социологии нет теории потому, что она ждет своего Тихо Браге.

¹⁸ Подход, принятый сегодня в социологии, можно, конечно же, проследить гораздо дальше вглубь истории, но признанные теоретики общества считали его вполне подходящим. Современное состояние социологии требует изменения лишь с точки зрения интереса к созданию науки о социальной жизни. Тот, кто не намеревается создавать науку, не испытывает потребности рассматривать нынешнее положение дел как радикально проблемное.

Должен заметить, что в отношении социальной теории такого рода революцию можно связать с изречением Маркса (из «Тезисов о Фейербахе»): «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления». Маркс важен для социальной теории не в силу своей «системы» (которая — всего лишь одна из систем), а тем, что он четко обозначил конец «наивной социальной теории». Он признал, что теоретик не «открывает» общество, не обнаруживает его «там, в мире» путем наблюдения и не просто регистрирует происходящее. Он полагает, что теоретик, интересующийся практическими проблемами, не может просто довольствоваться прописыванием решений, исполнение которых возлагается на других людей. Определяя объективную социальную теорию как теорию применяющуюся, он возлагает на теоретиков (как естествоиспытатель принимает на себя обязанность демонстрации) ответственность за практический коррелят естественнонаучной демонстрации, т. е. за успешность. Можно прочесть Маркса вполне по-донкихотски, как просто занимающегося пробной демонстрацией возможностей социальной теории. Он выбирает сложный случай, например, неорганизованную, бесправную социальную группу, и вводит «предполагаемое описание» общества, которое только действия людей могут сделать верным. После этого он пытается добиться исполнения «предполагаемого описания», так, чтобы оно стало верным. Все это нужно «просто» для того, чтобы продемонстрировать задачу социальной теории, которая коррелятивна задаче естественнонаучной демонстрации предмета исследования.

Из этой характерной черты социологии легко выводится как путь Дюркгейма и его последователей, т. е. объяснение вариаций феноменов, предположительно классифицированных посредством обыденных категорий, так и путь Вебера и его последователей, т. е. признание того, что, учитывая проблему «и так далее», нашей целью могут быть также генерализированное описание и ориентация на практическую значимость.

Можно, конечно, выбрать путь практического теоретика и вести себя подобно человеку из приведенной метафоры, но для любого, кто заинтересован в создании науки о социальной жизни, идея настоящей статьи состоит в том, что принятое социологией направление не ведет к такого рода науке.

Возможно, всем, кто размышлял о данном вопросе, представляется очевидным, что Вебер ошибался, утверждая, что любая наука сталкивается с проблемой «и так далее», т. е. что ее открытие есть открытие того, что мир настолько сложен, что его невозможно описать буквально. Безусловно, никто не продемонстрировал, что мир неопишуем. Но как могла бы выглядеть подобная демонстрация¹⁹? Проблема неполноты описаний определяется двумя их чертами, которые держал в уме Вебер: во-первых, тем, что они созданы на языке, который сам не подвергается анализу, и, во-вторых, тем, что эти описания апеллируют к обыденному опыту.

Перевод с английского Андрея Корбута

¹⁹ Может, так? «Но теперь известно, что мир необыкновенно многообразен, и это можно проверить в любое время, взяв горсть мира и внимательно ее рассмотрев» (Kafka, *Parables and Paradoxes*, 1961, p. 41).